
СИТУАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВОВЕДЕНИИ: СУЩЕСТВУЮТ ЛИ БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ?

М.В. Немытина

Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена проблемам современного российского правоведения, оказавшегося на рубеже XX–XXI вв. в непростой ситуации преодоления узких рамок юридического позитивизма и этатизма, ведущего поиск новых методологических оснований и интегрирующегося в общемировое научное пространство. В статье обосновывается термин «правоведение», служащий в русском языке одновременно для обозначения юридической науки, юридического образования и юридической практики и подчеркивающий их взаимосвязь и взаимную обусловленность. Рассматриваются правовые тренды, определившие состояние и перспективы развития юридической науки в России в постсоветский период, представлена эволюция понимания сущности права в трудах ведущих российских ученых.

Автор статьи объясняет ситуацию, сложившуюся в правоведении, используя научное обоснование культуры как надбиологической программы человеческой жизнедеятельности, а также правовой культуры как феномена, состояние которого определяется предшествующим опытом социального развития в правовой сфере. При характеристике современного правоведения делается акцент на развитие социологически-ориентированных концептов, признающих, наряду с государством, иные публичные корпорации, их значимую роль в современном обществе, возможности их правотворческой активности. Автор отмечает своеобразие развития российской правовой системы и правовой культуры, освещает проблемы правовой науки как системы знаний и социального института.

Руководствуясь научным принципом «от общего — к частному», автор утверждает, что если не определиться с общими подходами к праву на доктринальном уровне, то решение частных правовых проблем вряд ли может принести ощутимые результаты. Отмечается, что при всей пестроте подходов, существующих в российском правоведении, все большую популярность в нем приобретают концепции социологического толка, связанные с обоснованием регулятивных систем правового характера внутри общества. В статье «красной нитью» проводится идея о необходимости согласования научным юридическим сообществом базовых подходов к праву и определения парадигмы правовых исследований, отвечающей социальным интересам и потребностям.

Ключевые слова: современное правоведение, методологические проблемы, типология понимания права, социологически-ориентированные концепты права, юридический позитивизм, социологический позитивизм, парадигма, правовая культура, юридическое сообщество

Правоведение как наука, образование и практика

Начнем с того, что для обозначения юридической науки, юридического образования и юридической практики в русском языке применяется один и тот же термин — «правоведение», в котором, очевидно, заложена общая природа и сущностная основа этих явлений, аккумулирующих реальные юридические институты и идеальные образы права. То есть одним термином обозначаются три феномена, отнюдь не совпадающие по своим проявлениям и формам существования, но имеющие общий объект абстрактных представлений и реального воз-

действия — право. Хотя цели и задачи познания, мотивация деятельности в науке, образовании и практике различаются, тем не менее они имеют множество точек соприкосновения и пересечения, существуют в общем пространстве, охватывающем одновременно правовую действительность и представления о ней.

Под методологией правоведения в самом общем виде следует понимать способы и пути поиска природы и сущности права в его многообразных проявлениях. В этой связи следует признать, что соответствующими познавательными ресурсами должны быть вооружены и исследователи, ведущие научный правоведческий поиск, и преподаватели со студентами, постигающие совместными усилиями природу и свойства права, и армия юристов-практиков, осуществляющих правовое регулирование в невероятно усложнившейся системе отношений современного общества, со всеми его противоречиями, вызовами и угрозами.

Таким образом, такие явления, как юридическая наука, образование и практика, объединены в России отражающим их общим, очень емким, заключающим в себе посыл к деятельности, некую динамику понятием «правоведение» — постижение права как движение. «Правоведение» не синонимично «юриспруденции», как ее принято понимать и интерпретировать на Западе, где термин «юриспруденция» означает систему философских воззрений на право, научных концептов.

Стоит заметить, что приведенные выше рассуждения преследуют не столько цель достижения терминологической определенности, сколько понимания смысла юридической деятельности в различных ее видах и формах. Однако если ставить задачу отделения научной юридической деятельности от иных ее видов, нужно отдавать себе отчет в том, что именно научное познание права, его результаты способны преобразовать, трансформировать общество, вывести его на новый виток развития. И в этом смысле роль правоведения как науки в современном российском обществе пока недооценена.

Между тем российский исторический опыт дает яркие примеры модернизации юридической жизни посредством объединения усилий науки, образования и практики. Так, мощным толчком к развитию отечественного правоведения стала судебная реформа, подготовленная правительством Александра II. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. позиционировали творческую силу правоведения, требуя теоретической подготовки от судей, прокуроров и адвокатов. Образование было призвано нацелить будущих юристов на серьезную, рациональную, методичную, по обдуманному порядку, практическую работу, в основе которой должны были лежать твердые правовые принципы. И юридической науке следовало указать путь практическому правоведению. В свою очередь, перед практикой встали научные задачи, требующие безотлагательного решения. Не случайно ведущие российские правоведы того времени, независимо от их политических убеждений — либеральных или охранительных, были столь же талантливыми учеными, сколь блистательными практиками. Достаточно назвать имена таких выдающихся российских юристов, как А.Ф. Кони, Н.В. Муравьев, С.В. Пахман, К.П. Победоносцев, В.Д. Спасович. Таким образом, на примере активизации юридической жизни России во второй половине XIX —

начале XX в. очевиден синергетический эффект, достигаемый объединением усилий правовой науки, образования и практики.

Правоведение как науку подчас сводят к законоведению, к обоснованию и интерпретации, внедрению в жизнь всего того, что «производится» в рамках законодательного процесса, иной нормотворческой активности наделенных государственной властью субъектов. Между тем задача юридической науки состоит отнюдь не в том, чтобы комментировать законы после того, когда они уже стали действующим правом. Такого рода интерпретационные полномочия следует оставить юристам-практикам.

Следует оставить в качестве задач юридической науки разработку предложений по совершенствованию действующего законодательства и принятию новых законов, улучшению законодательным путем существующих правовых институтов, нормативных правовых актов и содержащихся в них норм. Однако реализация этих задач приобретает смысл только при соблюдении *двух* условий: *первое* — это изучение с помощью научного инструментария реальной ситуации в обществе, его потребностей в конкретных законодательных мерах, что и предопределяет их реалистичный характер; *второе* — соответствие новелл в законодательстве доктринальному и догматическому уровню развития науки, причем не только юридической, но и других областей знаний, в русле компетенции которых разрабатывается новый законопроект или поправки к действующему.

Эти столь очевидные посылы, необходимые для реализации законотворчества в России с использованием арсенала научных средств, о которых достаточно много написано в литературе, по-прежнему не воплощаются в жизнь. Среди препятствующих этому причин: 1) отсутствие надлежащего уровня разработки и распространения инструментария проведения конкретно-социологических исследований, позволяющих идентифицировать реальное отношение общества к явлениям и процессам правовой жизни; 2) методологическая неопределенность, несогласованность существующих в правоведении доктринальных подходов, способных выявить и определить тенденции правового развития общества.

Отсутствие в системе правотворчества механизма выявления, учета и «взвешивания» социальных факторов [3. С. 114], а в правовой науке — обязательных требований наполнения исследований в области права социологическим компонентом приводит к ситуации, в которой «законодатель вынужден работать в условиях острого дефицита достоверной социологической информации» [3. С. 199]. Социологическое обеспечение законотворчества путем выявления правовых установок населения одинаково необходимо как на начальной стадии разработки концепции закона с использованием достоверных прогнозов, так и на стадии реализации закона посредством осуществления контроля за эффективностью и качеством принятого правового решения. Между тем законодательные акты, «как и прежде, принимаются без социологического обоснования, а значит и без научного предвидения их социальных последствий» [3. С. 221].

Юридическая наука, генерируя идеи, концепты, предложения по совершенствованию законодательного регулирования, призвана выступать в качестве посредника между обществом и властью в лице государственных институтов, их

должностных лиц, проводящих публичную политику, занимающихся законотворческой и иной нормотворческой деятельностью. Принадлежа обществу, являясь его институтом, юридическая наука призвана осуществлять особую миссию — транслировать потребности и ожидания общества во власть, и, наоборот, позицию власти в общество. Если механизмы такого рода взаимодействия общества и власти посредством научного юридического сообщества и правовой науки как социального института не отлажены, недостаточны или нарушены, то подобная ситуация чревата социальными конфликтами и даже кризисом. В то же время юридическая наука с помощью существующего в ее арсенале инструментария (если, конечно, он разработан и существует) способна определить положительные векторы движения общества.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что главные достижения юридической науки на доктринальном уровне на всем историческом пути ее развития были связаны с выработкой механизмов ограничения власти в интересах общества. Это: разделение властей, конституционные принципы прав и свобод человека, международные стандарты их обеспечения и защиты, парламентские процедуры, референдумный процесс на разных уровнях власти и местного самоуправления, гарантии судебной защиты от произвола публичной власти и др.

Факторы, предопределившие ситуацию в российском правоведении

Следует признать, что на протяжении советского периода правоведение воспроизводило и генерировало научные знания в замкнутом, обособленном от общемировых тенденций, низкотехнологичном пространстве. Векторы его развития были заданы концептами юридического позитивизма и этатизма, жесткими рамками формационного подхода. Двигателем общественного прогресса признавалось не просто социальное противостояние, а борьба классов. Материалистический детерминизм заведомо снижал роль права, относя его не к базисным, а к надстроечным факторам. Заданную идеологическими средствами ситуацию по поводу права и всего того, что с ним связано, невозможно было изменить, преодолеть субъективными усилиями ученых. Советское правоведение могло существовать в идеологически нейтральных «нишах», не вторгаясь в идущие «сверху» идеологические установки, которые во многом предопределили его доктринальный уровень.

Развитие науки находится в прямой зависимости от подъемов и спадов в общественном развитии. Общеизвестно, что наука, особенно области социально-гуманитарного знания, призванные объяснять происходящие в обществе процессы, развиваются там, где есть свобода мысли и слова, где государство не подавляет возможности выражения мнения гражданами, в том числе учеными. Известно также, что в ситуации общественного подъема юриспруденция и смежные с ней области научного знания развиваются на уровне доктрин, предлагая обществу новые сюжеты его развития. Тогда же, когда в обществе случаются спады, когда возможности людей мыслить свободно ограничены, начинает превалировать юридическая догматика.

Доктринальный уровень советского правоведения оставлял желать лучшего, наблюдалось его отставание «от передовых, престижных направлений миро-

вой юридической мысли», а «его содержание подчинялось интересам идеологизированной, государственной системы». Вместе с тем в нем «импульсы науки... локализовались как раз на идеологически нейтральных участках — на догме права, аналитическом правоведении, данные которого были необходимы для практической юриспруденции и в советском обществе». В нем «более высокий уровень правовой теории, раскрывающий потенциал юридического позитивизма, опирается как раз на разработки аналитической юриспруденции» [1. С. 71–72]. Эту ситуацию в советском правоведении хорошо описал С.С. Алексеев.

В работах автора, с одной стороны, проходит идея о том, что аналитические разработки советского правоведения с его практической направленностью, отличающиеся от западной науки, еще недооценены, с другой — содержится посыл будущим поколениям юристов к преодолению узких догматических рамок и выработке современных концептуальных основ. Однако нацеленность юридической науки на догматику без выработки доктринальных основ дает о себе знать и сегодня.

В интеграционном пространстве постсоветского правоведения перед юристами сразу же встали задачи разработки новых принципов правового регулирования, модернизации существующих и создания новых правовых массивов, освоения зарубежного и международного опыта, обращения к традициям дореволюционного российского права. Необходимость сиюминутного разрешения возникающих правовых проблем на уровне законодательства и юридической практики, быстрого реагирования на ситуации в трансформирующемся обществе вновь отодвинули на периферию выработку доктринальных подходов.

На рубеже XIX–XX вв. российскому правоведению, с одной стороны, удалось накопить множество идей, с другой — не удалось, отделив и согласовав наиболее значимые из них, повлиять на ситуацию в обществе, связанную с правами человека и институтами гражданского общества. Если дальше развивать проблему воспроизводства и накопления знаний в расширяющем свои горизонты отечественном правоведении, то следует констатировать, что в общем потоке идей и мнений достаточно просто «заблудиться» и в то же время достаточно сложно отследить оригинальные, жизнеспособные концепты. Имеющиеся на сегодняшний день доктринальные подходы в правоведении разрознены, локализованы в рамках отраслей научного знания, не став общим достоянием широкой юридической общественности, правовыми трендами.

Состояние юридической науки также предопределяет существующие в российское правовой системе отраслевое деление, накопление числа отраслей права на фоне усложняющейся системы общественных отношений. Когда многие правовые системы и правовые культуры современного мира вполне обходятся без отраслевого деления, когда серьезные достижения становятся возможными лишь на основе интеграции (научное знание сегодня «не возделывается на узких полосках»), российские ученые-правоведы подчас тратят невероятные усилия, чтобы оставаться в своих изысканиях в рамках одной отрасли права и связанной с ней области научных юридических знаний. Именно так в

нашей стране в силу сложившегося стереотипа или чьих-то субъективных указаний принято выполнять квалификационные научные работы.

Если сравнивать доктринальный уровень современного российского правоведения с его советским прошлым, то следует констатировать серьезный прорыв. Если обратиться к отечественному правоведению второй половины XIX — начала XX в., возникают серьезные сомнения относительно существенного продвижения. Российским юристам пришлось потратить достаточно сил и времени, чтобы вернуться на прежние позиции, выйти на тот уровень, который во многом уже был достигнут на рубеже XIX–XX вв., когда в отечественной правовой науке существовали параллельно идеи юридического позитивизма и естественного права, пользовалась популярностью историческая школа и все большее значение приобретал социологический подход. Многие из включенных в оборот современного правоведения научных подходов содержатся во вполне завершенном виде в трудах дореволюционных юристов. На сегодняшний день, будучи несколько обновлены, они обладают лишь относительной новизной.

Если соотнести состояние сегодняшнего российского правоведения с западной юриспруденцией, векторы развития которой менялись больше под влиянием научных революций, а не социальных потрясений, становится очевидным, что предстоит еще многое сделать в освоении знаний, научных подходов и методов исследований, чтобы интегрироваться в общемировое пространство юридической науки. Как новое системное знание и одновременно социальный институт, наука сама по себе интернациональна, если только политики искусственно не возводят стены, препятствующие ее развитию. Полученные в ходе исследований результаты не имеют национальных границ. Несмотря на ангажированность государством, властью и экономическими корпорациями, юридическая наука в этом смысле не может быть исключением. В современном мире нет науки американской, французской, китайской и пр., национальный характер науки, замкнутость внутри социокультурного и географического пространства одной страны искусственно ограничивает ее потенциал. Существующие тенденции глобализации и международной интеграцией, создания высокотехнологичного информационного пространства сами по себе стали возможны именно благодаря росту носящего наднациональный характер научного знания.

Роль правоведения в правовой культуре

Чем меньше люди задумываются о сущности права, тем лучше, если только право не стало их профессией. По обыкновению, обращение граждан к праву бывает сопряжено с разного рода негативными проявлениями — конфликтами, нарушениями и ограничениями прав, криминальными сюжетами. Правовая культура, как ее часто интерпретируют в нашей науке, есть состояние общества, когда действия властей носят подзаконный, а не надзаконный характер, когда права человека обеспечиваются и защищаются в рамках закона публичными институтами, когда права одного не нарушают прав другого, сопряжены с обязанностями и т.д. Такое вот контекстно-культурное состояние человека и общества. Правовая культура как идеальная картина всеобщего благополучия и недостижимый идеал.

Очевидно, правовое общество и государство и существуют там и тогда, где и когда человек не задумывается о праве и юридической казуистике, а его правовые проблемы разрешаются естественно и органично посредством созданных этим обществом и государством правовых институтов и механизмов. Не боясь высоких слов, следует признать, что восхождение к высотам права ученых-юристов не будет иметь смысла, если большинство граждан будут отторгнуты от права, не найдя правды в судах и других юрисдикционных органах.

Право имеет различные проявления, формы существования и способы выражения. Право находит отражение в концепциях, оформляется властью в виде законов, иных нормативных правовых актов, реализуется юристами посредством правоприменительной практики. Наконец, оно живет в сознании людей и их ощущениях, на рациональном и эмоциональном уровнях. Право — это доктрины и догмы, нормативные правовые массивы публичных корпораций в текстовом бумажном формате и в информационных сетях; властные волеизъявления и установленная государством законность; правотворчество судей; правосознание, правоотношения и правопорядок общества; субъективные права и свободы человека; правовые традиции, обычаи и обыкновения.

Истоки права ищут в природе человека, его мировосприятии, ощущениях, типичных реакциях на юридически значимые ситуации повседневности. В качестве первоосновы права рассматривают существующие в обществе личные, групповые и общие интересы, видя предназначение права в их согласовании; право отождествляют с регулирующим потенциалом и властными ресурсами публичных институтов институционального и нормативного характера.

«Термин “право” многозначен, — отмечает Н.И. Матузов. — Он не всегда и не всеми употребляется в одном и том же смысле, а принимает различные значения, в зависимости от того, какое юридическое явление хотят выразить» [5. С. 73].

Многогранность права и его объективно-субъективный характер не позволяют дать ему универсального определения, подобрать дефиницию, в полной мере отражающую его сущность, сложную, порой неуловимую, природу. Поиск природы и сущностных свойств права, а также рефлексивный анализ по поводу целеполагания участников этого поиска отходит в область методологии.

Под методологией правоведения можно понимать арсенал средств, позволяющих постигать природу и сущность права и использовать его регулятивные возможности. Получается, что методология служит для того, чтобы посредством рефлексии различать грани права и использовать это знание, исходя из целей и задач осуществляемой деятельности. Реалистичное и прагматичное отношение к праву как к регулятивной нормативной системе, использование его возможностей правительствами, экономическими корпорациями, подчинение его геополитическим интересам государств актуализируют в юридической науке и прямо противоположную тенденцию — поиск ценностных свойств права, таких как свобода и справедливость.

Ценностная ориентация выводит на проблему интегративного правопонимания, воспринятую российским правоведением и нашедшую в нем живой от-

клик. «Все попытки обоснования “интегративного” правопонимания, — отмечает В.В. Лазарев, — были связаны или с формализацией “значимости” права, т.е. введением хотя бы минимального ценностного аспекта в представления о позитивном праве... или с его “натурализацией” через усмотрение связи позитивного права с надпозитивными ценностями...». Далее автор пишет: «При этом приверженность классическому базовому варианту правопонимания сохранялась, и право все равно сводилось или к “правильному”, справедливому, морально обоснованному тексту, или к дуалистической концепции позитивного правопорядка (текста) и его идеального прототипа (идеи справедливости, моральности, правильности и т.д.)» [9. С. 151].

В.Г. Графский, обосновывая возможности обмена познавательными ресурсами в рамках интегративного правопонимания, дает следующую дефиницию: «Право в своем типическом претворении предстает как равная и общепризнанная возможность притязания на справедливое регулирование индивидуального и группового поведения в процессе осуществления желательного сотрудничества или (в случае разногласий) разрешения возможных конфликтов» [2. С. 17]. Разумеется, общепринятые характеристики права презюмируются автором, что избавляет от необходимости их повторения.

Постижение ценностных свойств права — удел правоведческой науки, поскольку юридическая практика преследует иные, весьма прагматичные и вполне утилитарные цели, поэтому именно здесь проходит разделяющая их демаркационная линия. Хотя если юридическая наука и практика существуют в рамках общей для них культурной программы, то существует шанс преодоления этого противоречия между ними.

С методологических позиций определяющим в историческом развитии общества является вектор культуры. Вслед за академиком В.С. Степиным культура может быть определена «как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [11. С. 107]. Наряду с экономикой, политикой, религией право оказывается органично встроенным в ткань культуры, которая хранит и транслирует различные формы творческой активности людей: знаний, предписаний, образов, идеалов, образцов деятельности, идей, верований, целей, ценностных ориентаций и т.д. Следовательно, культура — это хранилище социального опыта [11. С. 107]. «Культура хранит, транслирует этот опыт (передает его от поколения к поколению). В этой функции она выступает как традиция, как социальная память. Но культура способна также генерировать новые программы деятельности, поведения и общения людей, и часто задолго до того, как они внедряются в ткань социальной жизни, порождая социальные изменения. В этой своей функции культура предстает как творчество» [11. С. 107].

Опираясь на идеи В.С. Степина, можно предположить, что «лента культуры» содержит образы и образцы, имеющие значение для доктринальной и догматической юриспруденции, институционального построения права и функционирования системы правоотношений, профессионального и обыденного по-

ведения индивида в его взаимодействии с правом. В то же время человек «способен, опираясь на почерпнутый из культуры прошлый социальный опыт, создавать новые эталоны, нормы, традиции, знания и таким путем порождать новые феномены и состояния культуры». По мысли автора, «инновации в культуре являются условием изменений социальной жизни, но сами культурные инновации могут возникнуть только в результате человеческой активности» [11. С. 116].

Приведенные выше обоснования культуры вообще как надбиологической программы человеческой жизнедеятельности, а вместе с ней и правовой культуры как феномена, состояние которого определяется предшествующим опытом социального развития правовой сферы, вполне объясняют ситуацию, сложившуюся в российском правоведении на рубеже XX–XXI вв. То, насколько сложным становится процесс осмысления права в переходные для общества периоды, когда меняются устои, рушатся сложившиеся в обществе представления о праве, стереотипы в науке. С одной стороны, такая ситуация затрудняет процесс познания права, институционального его оформления, применения на практике. С другой — создает условия для генерации в науке новых программ социальных действий.

Можно идентифицировать трехмерное пространство науки, которое подразумевает: 1) процесс генерации нового знания, строящейся на основе научных подходов и методов проведения исследований; 2) систему знаний, т.е., определившиеся результаты и устоявшиеся на конкретный период программы исследований; 3) социальный институт — собственно корпорацию ученых, занимающую определенное место в социуме. В современном мире существуют масштабные, функционирующие на демократических началах объединения ученых, которые объединяют ресурсы для проведения исследований, ищут организационные формы существования науки, совместными усилиями оценивают жизнеспособность научных идей, признавая их или, наоборот, отвергая, вырабатывают этические нормы научного сообщества и т.д. Существуют и ассоциации ученых-юристов, создающие условия для их профессиональной коммуникации. Например, Ассоциация «Право и общество» (*Law and Society Association*).

Без дискурса, конкуренции научных программ, нет и науки. Однако представляется крайне важным для научного сообщества на определенном витке развития согласовать полученные знания, «отфильтровывая» то, что имеет право на существование, вырабатывая критерии, позволяющие отличить знания от заблуждений. В данном случае можно воспользоваться введенным Т. Куном понятием парадигмы, которое, как отмечает академик В.С. Степин, «обозначало некоторую систему фундаментальных знаний и образцов деятельности, получивших признание научного сообщества и целенаправляющих исследования» [11. С. 58].

Важно отметить, что с позиций сформировавшейся к середине XX в. методологии не существует требования достижения истины в процессе познания, поскольку всякое знание легко может быть опровергнуто при получении нового научного результата (критический рационализм К. Поппера, исследовательские программы И. Лакатоса, научные революции Т. Куна, анархистская эпистемо-

логия П. Фейерабенда). Вместе с тем достаточным считается в рамках научного сообщества — группы ученых, имеющих необходимую профессиональную подготовку — признать некие фундаментальные понятия, базовые подходы, принципы, образцы и нормы научной деятельности, определяющие направления исследований в определенной области.

Следует констатировать, что развитию правовой науки мешает отсутствие в России современных форм профессионального признания наиболее конструктивных идей корпорацией ученых-юристов. Отчасти формой такого признания являются существующие в настоящее время защиты результатов исследований в диссертационных советах. Лишь отчасти, поскольку гораздо большее значение в них пока придается формам и процедурам, нежели выявлению и реальной фиксации нового знания. Да и вообще как, применительно к юридическим исследованиям, в которых не бывает таких открытий, как в естественных науках, и не очевиден научный прогресс, как в науках технических, выявить это новое научное знание, оценить его преобразующий потенциал?

Завершая цепочку рассуждений о правоведении в контексте правовой культуры и опираясь на авторитетное мнение академика В.С. Степина, следует еще раз заметить, что научные подходы, познавательные средства и технологии, парадигмы исследований, инновации — это не просто социальный заказ, это все — «лента культуры», некая надбиологическая программа научной, в том числе правоведческой, жизнедеятельности.

Обретения теоретико-правовой науки

В российском правоведении идет поиск философских, исторических и культурологических оснований права, аккумулируются тенденции правовой жизни общества, осмысливаются тенденции в правотворчестве и правоприменении, обосновывается институциональное развитие права и государства, разрабатываются новые юридические конструкции и инновационные модели правового регулирования. В круге не только решаемых задач следует зафиксировать обретения теоретико-правовой науки, в зоне ответственности которой — новые доктринальные подходы.

Среди несомненных и неоспариваемых достижений теоретико-правовой науки:

1) утверждение плюрализма в объяснении сущности права, многообразие подходов к нему, обоснование правовых процессов и явлений в разных методологических ракурсах (наряду с традиционным юридическим позитивизмом это либертаризм, персоноцентризм, социологизм, интегративизм и др.);

2) выработка не только и не столько формально-догматических характеристик права, сколько поиск в нем ценностных свойств, удовлетворяющих запросы общества на свободу и справедливость;

3) вполне оформившиеся взгляды на право как регулятивную систему общества и признание правотворческой активности не только государства, но и других публичных корпораций, отражающих интересы социальных групп.

В 90-е гг., в условиях перехода российского общества в новое состояние, либертаризм В.С. Нерсесянца, обладая большим реформаторским потенциалом,

дал импульс развитию не только юридической науки, но и практики. В основе концепции В.С. Нерсесянца лежала идея различения закона и права, когда «несоответствие закона праву может быть следствием правоотрицающего характера строя, антиправовой позиции законодателя или разного рода его ошибок и промахов, низкой правовой и законотворческой культуры» [7. С. 36]. В сложных ситуациях правоприменения при общем состоянии неопределенности, пробельности и коллизионности законодательства в 90-е гг. эта концепция помогла не только ученым, но и судьям, адвокатам, представителям других сфер профессионального юридического сообщества перейти от узкого понимания законности к широким представлениям о формирующемся в обществе правопорядке. Судьи принимали решения по конкретным гражданским (но не уголовным) делам, интуитивно различая категории «право» и «закон», руководствуясь формирующимися в обществе новыми правовыми принципами, чем в немалой степени способствовали укреплению позиций правосудия в обществе в сложный для него период.

Концепция В.С. Нерсесянца, которую в концентрированном виде отражает данное им определение права через равноценность других определений: «право — это формальное равенство, право — это всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях людей, право — это всеобщая справедливость» [7. С. 35], становится особенно понятной в контексте трансформации российского общества 90-х гг. Тем самым была воплощена в жизнь формула — «хочешь изменить общество — измени правосознание юристов».

В русле определяющей правосознание российских юристов традиции юридического позитивизма за состояние правового развития общества отвечает некая абстрактная субстанция — «законодатель». Если даже принять во внимание экономические, социальные и политические предпосылки формирования права, которые в соответствии с господствующей доктриной обязан принять во внимание законодатель, все равно право (отождествляемое с законодательством) предстает как продукт творчества человека, как субъективная реальность.

«Совершенно очевидно, что юридический позитивизм не способен выработать субстанциональное понятие права и развить соответствующее правопонимание, обсуждать проблемы права в содержательных и качественных аспектах», — признает Г.В. Мальцев [4. С. 396]. Очевидно, что такого рода признание ученому далось непросто, если жестко установленными методологическими рамками были ограничены возможности и его творческого поиска.

Российское правоведение концентрируется на освоении проблематики прав и свобод человека, которая, по утверждению А.П. Семитко, «как раз является той “лакмусовой бумажкой”, той главнейшей чертой западной демократии и идеологии либерализма, которая кардинально отличает эти научные понятия и соответствующие им общественные явления от восточного деспотического авторитаризма и от политического режима, который основывается на восхвалении государственных интересов» [10. С. 11]. Соотнося западную и восточную правовые культуры, автор отмечает: «Для западноевропейского человека права и свободы каждого — сама жизнь. Поэтому надо сильно потрудиться, чтобы най-

ти в западных теоретико-правовых исследованиях даже упоминание (в противоположность нашей литературы) о такой банальной для них идее, как приоритет прав и свобод человека. И никто при этом не утверждает, что права человека абсолютны (высшая ценность и приоритетность не синонимы абсолютности): при необходимости они могут быть ограничены...» [10. С. 11].

По мысли автора, основной идеей персонцентристского общества, о котором он пишет, являются не права человека как таковые и даже не приоритет этих прав, а решение вопроса о том, чему мы отдаем предпочтение: правам и свободам человека либо полномочиям государства [10. С. 17], возводим ли мы в абсолют волю государства.

Относя права человека к сфере публичного, А.П. Семитко обращает внимание на то, что «организация публичного дискурса в условиях реальной демократии и согласования интересов различных субъектов гражданского общества — задача не из легких. Это все равно что дирижировать большим симфоническим оркестром в процессе исполнения им очень сложной партитуры, тогда как одиноко звучащий в публичном пространстве барабан авторитарного правителя строго определяет границы общего интереса, и под его удары должно дружно маршировать благодарное общество» [10. С. 16]. Однако, продолжает автор, «если в авторитарном обществе есть лишь один центр — правитель вместе с узкой верхушкой государственной власти, то в демократическом, т.е. персонцентристском, обществе появляются и другие центры политической власти, которые по отдельности слабее государственной власти, но в совокупности заставляют эту последнюю реально считаться с указанными институтами и представителями гражданского общества» [10. С. 22]. В русле обозначенного автором контекста представляется целесообразным вести речь не только о центрах политической власти, даже не о центрах публичной власти, а о центрах активности существующих в обществе публичных корпораций, преследующих не только политические, но и иные цели. Институционализация современного общества — результат действия и взаимодействия не только политических, но и иных социальных сил.

Г.В. Мальцев утверждает следующее: «Социальные организации, порождающие особый тип власти, могут возникать на политической (государство, партии, общественно-политические объединения), конфессиональной (церковь, религиозные объединения), экономической (цехи, гильдии, концерны, корпорации, промышленные и финансовые союзы) и т.п. основе. Все они по отношению к членам общества, постоянно находящимся в экономическом, правовом, духовном и др. общении, выступают как внешний авторитет, оказывающий целенаправленное воздействие на первичные отношения власти с тем, чтобы придать им регулируемый характер» [4. С. 297].

Социологически ориентированные концепты права, не отрицая значимости осуществляемого государством законодательного регулирования, признают одновременно идущее от общества иное корпоративно-публичное регулирование, существующее в виде массивов норм религиозных конфессий, обычаев этнических групп, нормативных предписаний политических партий, этических кодексов

сов и иных актов профессиональных сообществ. Так, например, ситуацию в современном обществе во многом определяют профессиональные корпорации. Действуя в зоне своей профессиональной ответственности, не вступая в конкуренцию с правящим центром — что немаловажно — они играют значимую роль в системе общественных отношений, оказывая на нее (институционально и нормативно) серьезное воздействие, транслируя в публичное пространство массивы правил и норм поведения, адресованных не только своим участникам, но и всему обществу.

В русле концепций социологического позитивизма отрицается государственная монополия на правотворчество, но при этом не умаляется роль государственно-правового регулирования, поскольку государство служит «площадкой», позволяющей согласовывать интересы различных корпораций, сложившихся на основе этнических, партийных, конфессиональных, профессиональных и иных интересов. Более того, от государства зависит существование этих корпораций.

Правовые основания деятельности корпоративно-публичных образований содержатся в конституционных положениях об идеологическом многообразии, равенстве общественных объединений (ст. 13 Конституции РФ), о свободе мысли и слова, свободе информации (ст. 29), о праве на объединение (ст. 30), об участии в управлении государством, как непосредственно, так и через представителей (ст. 32), о праве на обращение в органы государственной власти (ст. 33).

Концепции социологического толка позиционируют возможность различных социальных групп выражать публичные интересы, достигать конструктивные общественно-полезные цели, иметь свои корпоративно-публичные регулятивные системы, отвечающие ценностным критериям и согласованные как с государством, так и с другими публичными корпорациями. Эти концепции подчеркивают диалогичность и коммуникативность современного общества. Социологически ориентированные концепции права исходят из того, что механизмы саморазвития и саморегуляции заложены в самом обществе, и признают в качестве права нормы и правила публичных корпораций. Речь идет о корпоративно-публичном правовом регулировании, создании норм и правил, которые могут иметь самостоятельную правовую ценность, если они только выражают не узко-корпоративные и корпоративно-частные интересы, а перешли в плоскость публичного, позиционируют интересы и запросы общества, в том числе на свободу и справедливость.

На существование в правовом пространстве, наряду с государственной, и других правовых систем обращают внимание А.В. Поляков и Е.В. Тимошина, связывая их функционирование с социальными интересами и полагая, что «корпоративное право возникает в самых разнообразных человеческих сообществах, создаваемых по интересам, и направлено на осуществление функций и целей этих сообществ» [8. С. 120]. Стоит обратить внимание, что категория «корпоративное право» в прочтении теоретико-правовой науки приобретает иной смысл, нежели в отраслях российского права. Выяснение возможностей признания юридической силы норм и правил, вызревших в недрах иных (кроме государства) публичных корпораций — тема отдельного исследования [6. С. 59–70].

Доктринальные подходы в социально-гуманитарных областях по большому счету существуют для того, чтобы определять тенденции правового развития общества. Общество динамично развивается, как и регулирующие отношения в нем право, существенно продвигается осмысление происходящих процессов правовой наукой. В этой связи стоит заметить, что *если право оказывает на общество регулирующее воздействие, то правовая наука способна на большее — оказать на него преобразующее воздействие.*

Состояние современного общества характеризует наличие в нем разных укладов жизни, разнонаправленных интересов субъектов правового общения, что лучше всего объясняют правовые концепции социологического толка. Так, рассуждая о природе права, возможностях его постижения, типах правопонимания, выявляя возникающие при этом противоречия между объективным и субъективным, В.В. Лазарев утверждает, что ключевым в данном контексте является понятие «социального». «Если мы сможем по-новому взглянуть на социальное, то получим возможность и нового видения права», — замечает автор [9. С. 152].

Руководствуясь обязательным в науке принципом «от общего — к частному», следует реально отдавать себе отчет в том, что если не определиться с общими подходами к праву на доктринальном уровне, то решение частных правовых проблем вряд ли принесет ощутимые результаты.

Говоря в этой связи о тенденциях развития российского правоведения в постсоветский период, пытаясь выделить в нем наиболее значимые, с точки зрения автора этой статьи, тенденции, следует отметить, что при всей пестроте существующих подходов все большую популярность приобретают концепции социологического толка, связанные с поиском регулятивных систем правового характера внутри общества. Предпринимаемые исследователями права попытки соединить разные подходы в рамках концепций понимания права интегративного свойства тоже, по большому счету, являются социологически ориентированными, поскольку речь в них идет о праве как регулятивной системе общества.

Чтобы идеи были жизнеспособны, они должны отвечать запросу общества, который является своего рода катализатором, ускоряющим появление и распространение востребованных в тот или иной период идей. Сложность в данном случае заключается в том, что социологически ориентированные доктрины теоретико-правовой науки пока что эклектичны и недостаточно согласованы, не включены надлежащим образом в оборот отраслей российского права и не восприняли существующие в них импульсы социальных изменений. Оказываясь подчас оторванными от происходящих в обществе реальных процессов, такого рода доктрины не содержат конкретных «рецептов», направленных на положительные изменения в обществе. Между прочим, научной корпорации российских юристов стоило воспользоваться идеями социологического позитивизма для выработки форм и механизмов обеспечения собственной жизнедеятельности, что служило бы лучшей иллюстрацией ценности и силы научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеев С.С.* Линия права. М.: Статут, 2006. 461 с.
- [2] *Графский В.Г.* Интегративная юриспруденция в условиях плюрализма подходов к изучению права // Проблемы понимания права: Сборник научных статей. Серия: право России: новые подходы. Выпуск 3. Саратов: Научная книга, 2007. С. 8–24.
- [3] Законодательная социология / отв. ред. В.П. Казимирчук, С.В. Поленина. М.: Формула права, 2010. 256 с.
- [4] *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. 419 с.
- [5] *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос академии права, 2003. 512 с.
- [6] *Немытина М.В.* Трехмерное коммуникативное пространство правообразования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 4. С. 59–70.
- [7] *Нерсесянц В.С.* Философия права. Учебник для вузов. М.: Инфра-М — Норма, 1997. 652 с.
- [8] *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права: Курс лекций. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 472 с.
- [9] Проблемы общей теории *jus*: учебник для магистрантов юридических вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень, А.Х. Саидов: отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Норма: ИНФРА-М., 2012. 656 с.
- [10] *Семитко А.П.* Научное наследие С.С. Алексеева: его сохранение и развитие // Теоретическая юриспруденция: традиции, современность, перспективы. Алексеевские чтения / отв. ред. В.Д. Перевалов. Вып. 2. Екатеринбург: Изд. дом Уральского государственного юридического университета. 2015. С. 8–23 .
- [11] *Степин В.С.* История и философия науки: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Академический Проспект; Трикста, 2011. 423 с.

**SITUATION IN THE RUSSIAN SCIENCE OF LAW:
ARE THERE BASIC CONCEPTS?****M.V. Nemytina**

Peoples' Friendship University of Russia
Law Institute
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

Annotation: the article is devoted to problems of modern Russian science of law found itself between XXth and XXIth centuries in difficult situation of overcoming the narrow frames of legal positivism and etatism, searching new methodological basis and integrating into worldwide scientific space. The article substantiates the term «science of law» itself which simultaneously means in Russian «legal science», «legal education» and «legal practice» and underlines by this their interconnection and mutual conditionality. The author observes legal trends determined Russian legal science condition and perspectives in the post-Soviet period. She also presents evolution of understanding the essence of law in works of the leading Russian scientists.

The author explains overmentioned situation in legal science by using scientific basing of the culture as human vital activity overbiological programme, and legal culture as phenomenon which condition is determined by previous experience of legal sphere social development. In characteristics of modern legal science the accent is made on development of socially directed concepts which admit not only state, but also another public corporations, their considerable role in the modern society and possibilities of lawmaking activity. The author emphasizes peculiarities of development of the Russian legal system and culture, and illuminates problems of the science as a knowledge system and social institute.

Following to the imperative scientific principle «from general to the special» the author asserts that if one does not define general approaches to the law on doctrinal level, decision of special legal problems will hardly produce visible results. While talking about important to the author tendencies of development of the Russian legal science in the post-Soviet period she marks that among different approaches sociological conceptions connected to search of regulative systems of legal type inside the society begin to acquire vogue. The golden thread of the article is idea that scientific legal society should compound approaches to the law and define the paradigm of legal researches answering to social interests and requirements.

Key words: modern legal science, methodological problems, typology of understanding the law, sociologically directed concepts, legal positivism, sociological positivism, paradigm, legal culture, legal community

REFERENCES

- [1] Alekseev S.S. *Liniya prava* [The line of law]. Moscow, Statut Publ., 2006. 461 p.
- [2] Grafskij V.G. Integrativnaya yurisprudenciya v usloviyakh pluralizma podkhodov k izucheniyu prava [Integrative jurisprudence in conditions of pluralism of approaches to researching the law]. In: *Problemy ponimaniya prava: Sbornik nauchnikh statej. Seriya: pravo Rossii: novye podkhody. Vypusk 3* [Problems of understanding the law: Collection of articles. Series: Russian law: new approaches. Issue 3]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2007. P. 8–24 (In Russ.).
- [3] Kasimirchuk V.P., Polenina S.V. (eds.). *Zakonodatel'naya sociologiya* [Legislative sociology]. Moscow, Formula prava Publ., 2010. 256 p.
- [4] Maltsev G.V. *Ponimanie prava. Podkhody i problemy* [The understanding of law. Approaches and problems]. Moscow, Prometej Publ., 1999. 419 p.
- [5] Matuzov N.I. *Aktualnyye problemy teorii prava* [Actual problems of theory of law]. Saratov, Izd-vo Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava, 2003. 512 p.
- [6] Nemytina M.V. Trekhmernoe kommunikativnoye prostranstvo pravoobrazovaniya [Three-dimensional communicative space of law creation]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenii. Pravovedenie – Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 2015, no. 4, pp. 59–70 (In Russ., abstr. in Engl.).
- [7] Nersesyants V.S. *Filosofiya prava. Uchebnik dlya vuzov* [Philosophy of law. Manual for institutes of higher education]. Moscow, Infra M – Norma Publ., 1997. 652 p.
- [8] Polyakov A.V., Timoshina E.V. *Obshaya teoriya prava: kurs lekcij* [General theory of law: course of lectures]. Saint-Petersburg, Izdatelskij dom SPbGU Publ., 2005. 472 p.
- [9] Lazarev V.V., Lipen' S.V., Saidov A.Kh. (eds.) *Problemy obshej teorii jus: uchebnik dlya magistrantov juridicheskikh vuzov* [Problems of general theory of jus: manual for graduate students of institutes of higher education]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2012. 656 p.
- [10] Semitko A.P. Nauchnoe nasledie S.S. Alekseeva: ego sokhranenie i razvitie [S.S. Alekseev's scientific legacy: its preservation and development]. In: V.D. Perevalov (ed.). *Teoreticheskaya yurisprudenciya: tradicii, sovremennost', perspektivy. Alekseevskie chteniya* [Theoretical jurisprudence: traditions, contemporaneity, perspectives]. Issue. 2. Ekaterinburg, Publ. Uralskij state juridical university, 2015. p. 8–23 (In Russ., abstr. in Engl.).
- [11] Stepin V.S. *Istoriya i filosofiya nauki: uchebnik dlya aspirantov i soiskatelej uchenoj stepeni kandidata nauk* [History and philosophy of science: manual for post-graduate students and candidates for PhD.]. Moscow, Akademicheskij prospect Publ., Triksa Publ., 2011. 423 p.